

Хаутала Р.

КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВАМИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И ИМПЕРИЕЙ МОНГОЛОВ В XIII ВЕКЕ

Дипломатические отношения монгольских ханов с автономными правителями внутри их империи и с независимыми монархами за ее пределами осложнялись лингвистическими проблемами, которые нередко затрудняли достижение взаимопонимания. Большинство подданных обширной кочевнической империи говорили на языках, чрезвычайно отдаленных филологически от официального языка ее централизованной администрации. С одной стороны, монгольские ханы не навязывали изучение своего родного языка подчиненным империи народам. С другой стороны, как от автономных, так и от независимых правителей ожидалось понимание содержания ханских эдиктов, оригинал которых неизменно составлялся на монгольском языке [Aigle 2005, 145; Jackson 2006, 3–4, 9].

Монгольские ханы принимали непосредственное участие в урегулировании внешней и внутренней политики своих владений и уделяли особое внимание материальной форме и содержанию дипломатических актов. Монгольские эдикты, направленные автономным и иностранным правителям, писались на высококачественной бумаге и с использованием дорогостоящих чернил; к тому же, для подчеркивания их важности, послания ханов составлялись на родном языке основателя империи [Broadbridge 2008, 16–20]. Таким образом, изначальные дипломатические нормы монгол значительно затрудняли взаимоотношения с их подданными и независимыми монархами. Вскоре, однако, ханы стали прибегать к услугам переводчиков и нередко сопровождали свои эдикты их параллельным переводом на доступные, по их мнению, пониманию тюркские, персидский или арабский языки.

Постепенно функции переводчиков приобрели центральное значение в администрации монгольской империи, и лингвистические навыки способствовали успешной карьере чиновников в каждом ее отдельном регионе [Vasary 2007, XIII. 105–106]. Так,

по словам Джувейни, на территории улуса Хулагуидов знание уйгурской письменности, при помощи которой составлялись монгольские документы, гарантировало доступ к высшим административным постам; что, по мнению персидского историка, вызвало резкое падение культурного уровня местной государственной элиты [Juvaini 1991, 24–25]. С другой стороны, знание монгольского языка, очевидно, способствовало успешной карьере самого Джувейни, как и ряда других государственных деятелей персидского происхождения.

К середине XIII века монгольская администрация Каракорума располагала обширным корпусом чиновников, отдельные подразделения которого отвечали за каждый регион империи и способствовали налаживанию сравнительно эффективных коммуникаций правителей империи с их подданными. С другой стороны, дипломатические связи с независимыми от империи правителями осложнялись необходимостью владения, со стороны иностранных послов, превалирующими в империи языками, где первенство принадлежало персидскому и тюркским языкам [Vasary 2007, XIII. 106–108]. От иностранных послов, таким образом, ожидалась способность коммуницировать на международных языках, практикуемых в монгольской администрации; что логично подчеркивало центральную роль переводчиков в налаживании международных связей [C. de Bridia 1965, 96; Giovanni di Pian di Carpine 1989, 348]. Если в случае мусульманских правителей урегулированию международных отношений способствовало наличие в монгольской администрации персидских и тюркских переводчиков, то в случае монархов средневековой Европы налаживание контактов с кочевнической империей усложнялось чрезвычайной лингвистической некомпетентностью западных дипломатических послов.

Настоящая статья посвящена рассмотрению эволюции франко-монгольских дипломатических связей с точки зрения их языковых аспектов. В частности, особое внимание уделяется постепенному совершенствованию лингвистических способностей западных послов, которые имели центральное значение для налаживания дипломатических связей между Европой и империей монголов. Однако прежде чем приступить к описанию периода первых дипломатических контактов с монгольскими каганами, отдельное внимание

должно быть уделено рассмотрению функций переводчиков внутри Латинского мира.

Современные функции переводчика в Европе не вполне соответствуют средневековым, так как требование дословного перевода иностранных текстов или устной речи появилось сравнительно недавно. Впервые требование точного перевода, определяемого латинским глаголом *traducere*, было введено флорентийским гуманистом Леонардо Бруни в первой половине XV века [Bettini 2011, 1–3]. Однако античные авторы, вдохновлявшие филологов эпохи Гуманизма, рассматривали процесс перевода в несколько ином свете [Bettini 2012]. Так Цицерон критиковал метод дословного перевода, рекомендуя переводчикам избегать излишней педантичности и фокусироваться на общем контексте речи (*De optimo genere oratorum* 1, 14; *De oratore* 3, 167). По мнению Цицерона, искусство переводчика заключалось в составлении целых фраз, а не в подборке отдельных эквивалентов иностранной речи. Античные авторы рассматривали функции переводчика скорее как процесс *интерпретации* иностранной речи, предполагавшей сравнительно обширную свободу действий. Плавт, например, подчеркивал посреднические аспекты деятельности переводчика (*interpres*), сравнивая их с коммерческими функциями торговца (*Curculio*, 434; *Miles gloriosus*, 797; *Pseudolus*, 43). Так же и в Средневековье латинские переводчики не оставались пассивными передатчиками дословного значения иностранной речи и принимали активное участие в ее интерпретации [Schmieder 1999, 277].

С точки зрения теории международных коммуникаций [Jönsson, Hall 2005, 67–95], анализируемая в данной статье франко-монгольская переписка представляет собой особый интерес, так как содержание дипломатических посланий подвергалось существенной переработке их переводчиками; что определялось чрезвычайной лингвистической изолированностью католического мира в домонгольский период. Дипломатические связи Западной Европы с монгольскими правителями непосредственно зависели от посреднической деятельности переводчиков, которые не только обладали обширной свободой в интерпретации посланий, но и вполне могли иметь влияние на сам ход переговоров, результаты которых часто определялись их личными политическими интересами.

**Первые дипломатические посольства
к монголам в середине XIII века**

В своем трактате *Opus majus*, адресованном папе Клименту IV в 1267 г., францисканец Роджер Бэкон утверждал, что на практике лингвистические познания культурной элиты католического мира сводились к сравнительно сноскому владению латинским языком. Бэкон призывал папу способствовать внедрению преподавания восточных языков в европейские университеты и обосновывал свое предложение следующими аргументами. По словам автора трактата, изучение греческого, армянского и сирийского языков должно было способствовать более успешной миссионерской деятельности в среде ближневосточных схизматиков. Проповедование Евангелия мусульманам, по мнению Бэкона, было бесперспективным без владения монахами-мэндикантами арабским языком. Францисканский автор также подчеркивал полезность изучения арабского языка для развития международной торговли и дипломатических отношений с восточными правителями. Бэкон обосновывал последнее утверждение вопиющим примером (к сожалению, без уточнения даты происшествия) неспособности французского короля Людовика IX Святого прочесть послание египетского султана Бейбарса I из-за отсутствия в королевстве сколько-нибудь сведущего арабского переводчика [Bacon 1900, 115–122; Latourette 1947, 319; Richard 1976, 150; Bigalli 1979, 178; Kedar 1984, 177; Richard 1998, 127; Schmieder 1999, 275].

Сведения Бэкона указывают на оживление франко-мусульманских связей и на общее стремление азиатских правителей наладить дипломатические отношения с Западной Европой, что подтверждается египетскими и европейскими источниками. Так, по словам Ибн аль-Фурата, в 1268 г. представители короля Сицилии, Карла I Анжуйского, прибыли в Каир для выражения протеста по отношению к массовому истреблению христианского населения Антиохии. Султан Бейбарс оправдывал агрессию систематичным нарушением условий перемирия со стороны палестинских франков и послал, в следующем году, своих представителей в Европу для восстановления дружественных отношений как с Карлом Анжуйским, так и с его братом, Людовиком IX [Ibn al-Furat 1971, 131; Alainy 1887, 219; Thorau 1992, 120–123, 194–195]. По дороге

в Париж мамлюкская миссия натолкнулась в Генуе на параллельное посольство монгольского Ильхана Персии, Абаки, представители которого намеревались предложить королю Франции план совместной военной кампании против Египта. По словам продолжателя *Генуэзских анналов Каффаро*, после коротких пререканий, послы обеих сторон перешли к открытому столкновению на центральной площади города [Annali genovesi 1926, 114–115; Chronica minor 1879, 207; Cronica S. Petri 1879, 405; Cronica Reinhardsbrunnensis 1896, 625; Jackson 2005, 167].

Не меньший интерес представляет и критика Бэкона лингвистической подготовки европейской культурной элиты, касавшаяся, в первую очередь, монахов-мендикантов. Одной из важнейших функций Орденów францисканцев и доминиканцев считалась миссионерская деятельность в среде язычников (к которым причислялись и мусульмане) и восточных схизматиков. Успехи восточного апостолата имели центральное значение как для самого идентитета Орденów, так и для обоснования их финансового благосостояния, представлявшего основной объект критики со стороны канонических священников [Little 1964, 135–140]. Оценка Бэкона поэтому кажется преувеличенно негативной. Начиная с момента составления буллы *Ne si secus*, от 25 марта 1221 года, в которой папа Гонорий III призывал церковное сословие Европы содействовать развитию апостолата в среде византийцев [Annales 1646, XIII. 317], Ордена мендикантов приложили немало усилий для организации преподавания греческого языка в своих конвентах. К концу 20-ых годов XIII в. католические миссионеры обладали основательными познаниями православной апологетики и прибегали к непосредственным ссылкам на работы Афанасия Великого, Кирилла Александрийского и Иоанна Златоуста, чтобы опровергать доводы никейских оппонентов [Angold 1989, 76].

Изучение других восточных языков, однако, оставалось рудиментарным, несмотря на сравнительно активное вмешательство Святого Престола. Папа Иннокентий IV, например, признал невозможность организации систематического изучения арабского языка западными миссионерами и считал, что более эффективной мерой могло быть преподавание латинской теологии студентам арабского или другого восточного происхождения. С этой целью папа учредил в 1248 г. 10 стипендий в университете

Парижа; его мера, однако, не имела существенных последствий [Richard 1976, 156; Richard 1998, 127]. Лингвистическая некомпетентность миссионеров оставалась актуальнейшей проблемой вплоть до первой половины XIV века. В 1300 г. доминиканец Рикольдо да Монтекроче описывал персональный негативный опыт использования азиатских переводчиков в теологических спорах с армянскими и якобитскими христианами [Dondaine 1967, 168; Schmieder 1999, 275]; и только через 12 лет, 11-ый канон Вьеннского Собора обязал университеты Болоньи, Парижа, Оксфорда и Саламанки ввести интенсивное преподавание восточных языков. Это постановление, однако, соблюдалось только в университете Парижа [Baldwin 1985, 488–489].

Европейская лингвистическая некомпетентность усугубилась с неожиданной экспансией монголов в Центрально-Восточной Европе в начале 40-ых гг. XIII столетия. В 1245 г. папа Иннокентий IV принял решение наладить дипломатические отношения с кочевнической империей, непосредственно граничившей с территориями Европы, и назначил главой католической делегации францисканского полиглота Иоанна де Плано Карпини [Soranzo 1930, 90; Richard 1949, 291–297; Назарко 1954, 155; Richard 1969, 46–47; Rachewiltz 1971, 16, 85, 87–89; Guzman 1985, 229–230; Ruotsala 2001, 40–41; Селарт 2011, 101]. Наравне со знанием итальянского и латинского, брат Иоанн, по всей видимости, довольно сносно говорил на французском, испанском и немецком языках [Painter 1965, 43; Moormeier 1968, 232]. Его лингвистические познания, однако, оказались совершенно бесполезными для коммуникации с монгольскими правителями. Успех дипломатического посольства напрямую зависел от владения славянскими языками вторым ее членом, францисканцем Бенедиктом Поляком [Pelliot 1922–1923, 10; Painter 1965, 36; Юрченко, Аксенов 2002, 5], и от присутствия в ставках ханов русских князей, стремление которых легитимизировать свои отношения с монгольской властью хронологически совпало с исполнением католической миссии [Новгородская 1950, 131–135; Giovanni di Pian di Carpine 1989; 380–381; Лаврентьевская 1997, 469–470; Ипатьевская 1998, 805–809; Головкин 2004, 6–7; Нагірний 2010, 22–26].

В апреле 1246 года Иоанн де Плано Карпини вручил послания папы хану Бату и представил устное подтверждение их содержания

при посредничестве Бенедикта Поляка и двух подчиненных сына владимирского князя Ярослава Всеволодовича, один из которых был крещеным куманом по имени Сангор. Послания папы были переведены на монгольский язык и отправлены в Монголию хану Гуюку [Giovanni di Pian di Carpine 1989, 385, 398; Pelliot 1922–1923, 15; Painter 1965, 37, 43]. Осенью следующего года брат Иоанн был принят Гуюком на официальной аудиенции в Сир-Орде, где переводчиками выступали все тот же брат Бенедикт, куман из свиты князя Ярослава по имени Темер и два русских священника [Giovanni di Pian di Carpine 1989, 394–395, 399; Chabot 1894, 590; Pelliot 1922–1923, 10–11; Vasary 2007, XIII. 107; Юрченко 2008, 288; Jackson 2012, 234–235]. Как в процессе перевода папского послания, так и в ходе обеих аудиенций, ханы обращались к брату Иоанну через своих монгольских представителей, которые передавали слова хана куманским переводчикам. После этого куманы переводили речь хана на русский, и Бенедикт Поляк передавал Иоанну слова монгольского правителя на латинском языке. Иоанн отвечал Бенедикту на латинском языке, и его речь достигала хана в обратном порядке [Roux 1990, 174].

Процесс официальной коммуникации, таким образом, занимал много времени, и обе стороны не могли быть полностью уверены в точности многократного перевода. Отдельный интерес представляет перевод папского послания *Cum non solum*, которое, несмотря на сравнительно миролюбивый характер, отстаивало верховенство духовного аспекта власти Иннокентия IV [Acta Innocentii 1962, 31–32]. Ответ Гуюка показывает, что каган воспринял цель посольства брата Иоанна как попытку признания подчинения папы монголам [Voegelin 2000, 90]. Причиной непонимания, по всей видимости, была неправильная трактовка отдельной фразы послания, которая констатировала могущество монгольской власти (Omnipotens Deus diversas ante faciem vestram substerni permisit hactenus nationes). Несмотря на то, что Иннокентий IV подчеркивал потенциальную кратковременность могущества монгольских правителей, Гуюк остался при мнении, что папа признал его превосходство, и указывал Иннокентию IV на необходимость личного визита в Монголию для получения статуса законного правителя [Jackson 2012, 230].

Следует отметить и дополнительный аспект миссии Иоанна де Плано Карпини. Как всякий дипломат, брат Иоанн стремился

к сбору стратегически важных сведений о военной структуре монгольской армии [Назарко 1954, 155; Moorman 1968, 232; Guzman 1971, 235–236; Rachewiltz 1971, 16,85; Morgan 1986, 24; Lane 2009, 35, 44, 51, 99, 102, 105, 171, 206]. Главными информантами брата Иоанна были воины европейского происхождения, насильно завербованные в монгольские подразделения. Их утверждения о желании дезертировать при первом удобном случае имели первостепенное значение для формирования представления Иоанна о внутренней слабости монгольской армии [Giovanni di Pian di Carpine 1989, 379; Painter 1965, 44; Jackson 2012, 235].

Пример миссии Иоанна де Плано Карпини показывает, с какими трудностями сталкивались европейские послы на Востоке в середине XIII века. Лингвистическая некомпетентность существенно затрудняла международные контакты и с мусульманскими правителями, хотя исторические источники предоставляют редкие упоминания европейцев, владевших арабским языком. Так, египетский султан ас-Салих Айюб, в своем письме 1245 г., отвергал предложение перемирия (и, возможно, предложения военного союза против монголов) папы Иннокентия IV из-за отсутствия согласия со стороны императора Фридриха II, известного своими симпатиями по отношению к арабской культуре [Epistolae 1981, 86–88]. Английский летописец Матвей Парижский ясно указывал, что письмо султана было переведено с арабского одним из кардиналов папской курии (к сожалению, не указывая его имени) [Matthaeus Parisiensis 1872–1873, 566]. Переговоры с мусульманами были продолжены францисканским полиглотом Андре де Лонжюмо, который был послан папой в Трансиорданию в 1246 г. с требованием возвращения Иерусалима католикам, представленным правителю Карака, ан-Назир Давуду, и египетскому эмиру Фахр аль-Дину [Matthaeus Parisiensis 1872–1873, 112–116; Guzman 1971, 235–236; Rachewiltz 1971, 96; Claverie 2000, 284]. В ходе последующего Седьмого Крестового похода (1248–1254) доминиканец Ив Ле Бретон был единственным членом свиты Людовика IX, владевшим арабским языком и способствовавшим развитию переговоров французского короля с дамасским и египетским султанами [Monfrin 1991, 264–266; Richard 1996, 360–366].

К числу католических дипломатов, владевших арабским языком, по всей видимости, можно отнести и францисканца Гийома

де Рубрука, основываясь на упоминании арабского манускрипта в инвентаре посла Людовика IX к монголам [Guillelmus de Rubruc 1929, 316; Cameron 1989, 30; Reichert 1997, 123]. Знание арабского, так же как и владение греческим языком его спутника, Бартоломео из Кремоны, однако, оказались бесполезными на монгольской территории [Jackson 2012, 228]. Уже прибыв в Константинополь в мае 1253 г., послы французского короля последовали совету местных купцов и наняли переводчика куманского языка по имени Омодей, бывшего, по всей видимости, сирийского происхождения [Guillelmus de Rubruc 1929, 170]. Следует отметить, что наем куманских переводчиков в черноморском регионе стал широко распространенной практикой в следующем столетии; и Франческо Балдуччи Пеголотти советовал итальянским торговцам, в своем пособии *La Pratica della Mercatura*, не скупиться расходами на приобретение высококачественного гида [Pegolotti 1936, 21]. Гийом де Рубрук, по всей видимости, был ограничен в материальных средствах; и последующая неудача миссии явилась следствием некомпетентности его переводчика. Омодей не только отказывался переводить сложные, с филологической точки зрения, проповеди Гийома де Рубрука кочевникам; но и оказался бесполезным при личной аудиенции французского посла с ханом Мункэ в начале 1254 года [Guillelmus de Rubruc 1929, 191, 196, 232, 249, 251; Rachewiltz 1971, 131, 133; Cameron 1989, 41, 50; Roux 1990, 174; Richard 1998, 157, 240; Schmieder 1999, 273; Ruotsala 2001, 119; Jackson 2012, 229]. Вследствие некомпетентности Омодея, перевод послания Людовика IX, сопровождаемого параллельными версиями на арабском и сирийском языках, был поручен армянским священникам (31 июля 1253 г.), присутствовавшим в ставке сына Бату, Саргаха [Guillelmus de Rubruc 1929, 202–203; Bratianu 1929, 216–217; Richard 1977a, 55; Cameron 1989, 42].

Миссия брата Гийома совпала с периодом участвовавшего посещения ставок монгольских ханов армянскими правителями. Принцы Великой Армении искали заступничества ханов в отношении самоуправства монгольских эмиссаров в Закавказье и, одновременно, надеялись вернуть территории, завоеванные ранее грузинами и сельджуками. Более важным стимулом, однако, была внутренняя конкуренция между армянскими фамилиями. Семья Захаридов подчинилась монголам еще в 1236 г. и получила

значительные административные привилегии в закавказском регионе, что неизбежно привело к столкновению с армянскими фамилиями Джалалианов и Орбелианов. В 1251 г. правитель провинции Хачен, Хасан Джалал, добился личной протекции хана Бату; и, четыремя годами позже, каган Мункэ подтвердил подчинение его территорий напрямую имперской администрации. Схожих привилегий добился и правитель провинции Сиуник, Смбат Орбелиан, посетив Каракорум в 1252 году [Kirakos 1986, 217–220, 225–232, 259–260, 266–268, 295–297; Grigor 1986, 297–300, 313–315; 321–323; Bedrosian 1979, 178–183; Mutafian 1988, 428; May 1996, 42–44; Lane 1999, 475–476; Pubblici 2007, 184; Dashdondog 2011, 74–76].

Присутствие закавказских священников в ставке Сартаха, к моменту визита Гийома де Рубрука, объяснялось сближением с правителями Золотой Орды и армянских прелатов, которые добились значительного понижения налогообложения закавказской церкви. Полученные привилегии, однако, предполагали и новые обязанности: закавказские принцы гарантировали участие армянских контингентов в монгольских завоеваниях. С другой стороны, армянские правители стремились достичь наибольших выгод от изменения геополитической ситуации. Так как основные военные действия на Ближнем Востоке велись против мусульман, как закавказские, так и киликийские армянские правители стали продвигать идею создания взаимного с монголами антиисламского блока [Grigor 1949, 305, 307–313; Bedrosian 1979, 177–178; Lane 2009, 190].

Впервые планирование потенциального вовлечения католиков в христианско-монгольский военный союз фигурирует в письме брата киликийского короля, Смбата Спарапета, адресованного в 1248 г. королю Кипра, Генриху I. По всей видимости, и визит в Каракорум самого короля Киликии, Геттума I в 1254 г., сопровождался обещаниями организации военного сотрудничества с Латинским миром [Richard 1986, 688–692; Boyle 1964, 178–186; Kirakos 1986, 302–309; Grigor 1986, 323–327; Haytonus 1906, 298–299; Dardel 1906, 11–12; Abel-Rémusat 1822, 414; Der Nersessian 1959, 5–6; Boase 1968, 23–25; Mutafian 1988, 416–417, 422, 427–428; Aigle 2005, 150–151; Dashdondog 2011, 85–87]. Военный союз с Западной Европой, однако, предполагал безоговорочное

признание подчинения католических правителей империи монголов; что противоречило цели миссии Гийома де Рубрука [Jackson 2005, 90].

При каждом контакте с монгольской властью брат Гийом настойчиво утверждал, что целью посольства было только установление дружественных отношений между французским королевством и кочевнической империей. Гийом не отрицал официального статуса посольства, но предпочитал подчеркивать миссионерский аспект своей деятельности и опровергал любые утверждения, предполагавшие, что целью миссии было бы стремление заключения военного союза и соответственного подчинения монголам. С другой стороны, содержание письма Людовика IX (текст которого утерян, но частично восстанавливается из описания Гийома) включало предложение французского короля вести общую борьбу против врагов христиан. Каган монголов, готовивший к этому времени полномасштабное наступление против Аббасидского халифата, нуждался в потенциальных христианских союзниках; что объясняет его добровольное желание принять довольно форсированную интерпретацию послания Людовика IX, произведенную армянскими переводчиками [Guillelmus de Rubruc 1929, 168, 289; Rachewiltz 1971, 126–127; Richard 1977a, 55–56; Guéret-Laferté 1994, 22; Jackson 2006, 15; Jackson 2012, 228, 230–231; Daniel 2012, 249].

В мае 1253 г. брат Гийом оставил послание Людовика IX в ставке Сартаха и продолжил свое путешествие в Монголию (Сартах послал перевод письма Бату, который, в свой очередь, переправил его Мункэ). В ставке Мункэ, в начале 1254 года, он неожиданно для себя узнал, что армянские переводчики интерпретировали послание французского короля как попытку заключения военного союза. Лишенный компетентного переводчика, Гийом не был способен сразу же опровергнуть некорректность перевода [Guillelmus de Rubruc 1929, 243; Richard 1977a, 56–57; Mutafian 1988, 426; Cameron 1989, 49; Richard 1997, 59–60; Richard 1998, 79; Jackson 2006, 15; Daniel 2012, 249]. По словам францисканца, к своему облегчению, он узнал, что в Каракоруме проживал французский ремесленник Гийом Буше; приемный сын которого владел французским и монгольским языками и согласился выступить в роли переводчика францисканца. В ходе повторной

аудиенции в ставке Мункэ, в мае 1254 г., Гийом смог изложить заново цель миссии; однако и в этот раз перевод его слов вызвал определенное непонимание. Сын Буше интерпретировал утверждение Гийома об исключительно мирном характере миссии в контексте монгольского восприятия дипломатической деятельности; и определял в своем переводе предложение установления *мира* монгольским термином *иль*, означавшим, одновременно, безусловное подчинение монгольской власти (в период единства империи, вплоть до смерти Мункэ в 1259 г., мирные отношения с монголами могли быть установлены только после признания подчинения кагану). В дальнейшем, ответ Мункэ, привезенный Гийомом в Палестину, содержал предположение, что целью французского посольства была попытка признания подчинения монголам [Guillelmus de Rubruc 1929, 250, 253; Voegelin 2000, 98–99; Abel-Rémusat 1824, 424–426; Mostaert, Cleaves, 1952, 485–486, 492–493; Rachewiltz 1971, 134; Allsen 1986, 495–497; Reichert 1997, 77; Jackson 2012, 231].

Таким образом, первые контакты европейцев с монголами в середине XIII века осуществлялись в атмосфере относительного языкового непонимания, что определялось чрезвычайной лингвистической некомпетентностью францисканских послов. Однако, начиная с основания улуса Хулагуидов в Персии в 1260 г., ситуация резко изменилась, благодаря появлению в ставке Хулагу доминиканских переводчиков.

***Дипломатические отношения европейцев
с монголами в правление
Ильханов Хулагу (1260–1265) и Абаки (1265–1282)***

Среди многочисленных и, нередко, безрезультатных мер по совершенствованию лингвистического образования миссионеров наиболее эффективным способом показало себя отправление братьев-мендикантов в пограничные с Латинским миром регионы. Так в 1255 г. Мастер доминиканцев, Гумберт де Романс, выпустил энциклику, адресованную всем конвентам своего Ордена, с призывом направления наиболее способных монахов в восточные провинции для изучения греческого, еврейского и арабского языков. Также и францисканцы постепенно начали основывать в своих религиозно-административных провинциях в Азии линг-

вистические центры обучения миссионеров. Например, по свидетельству испанского миссионера Пасхалия из Виктории, в XIV в. францисканцы располагали специальной школой, в своем конvente столицы Золотой Орды, для преподавания куманского языка и уйгурской письменности [Paschalis 1929, 503; Baldwin 1985, 488; Richard 1998, 97, 127–128].

Впервые официальное упоминание лингвистической подготовки миссионеров на Востоке встречается в рамках Генерального Капитула доминиканцев в Болонье в 1236 г., постановившего отправление ряда монахов в грекоязычные территории и в Палестину. Уже годом позже приор доминиканской провинции Святой Земли, Филипп, свидетельствовал в своем послании собратьям в Европу наличие преподавания арабского в конвентах Палестины и отправление трех доминиканцев в Ирак для развития миссионерства в среде несториан. Дальнейшие успехи восточного апостолата доминиканцев были подтверждены специальным письмом папы Иннокентия IV *Athleta Christi*, от 20 февраля 1253 г., адресованным своему легату на Кипре, Эду де Шатору, с предоставлением привилегии назначения новых доминиканских епископов на территории Аббасидского халифата [Barber, Bate 2010, 133–135; Acta Honorii 1950, 306–307; Acta Innocentii 1962, 148–149; Loenertz 1937, 17; Richard 1976, 158–159].

Немалое значение для развития восточного апостолата имела и организация миссионерских центров на территории королевства Грузии. Основание доминиканского конвента Тбилиси принято связывать с письмом папы Григория IX *Gaudeamus igitur*, от 13 января 1240 г., отправленного королеве Русудан как ответ на призыв предоставления военной помощи против монголов. Григорий IX констатировал невозможность отправления крестоносцев на Кавказ в связи с чрезвычайной удаленностью грузинского королевства и одновременной необходимостью борьбы с маврами Испании; но утешал Русудан посылкой восьми доминиканцев с целью организации проповедования Евангелия в среде местных христиан и закавказских мусульман [Acta Honorii 1950, 338–341; Richard 1998, 55, 78].

По всей видимости, доминиканцы конвента Тбилиси специализировались на изучении грузинского и армянского языков. Однако имеется и достаточно убедительное свидетельство об изучении

местными доминиканцами персидского языка. Описание Симона де Сент-Квентин папской дипломатической миссии Асцелина из Кремоны, посетившей в 1247 г. ставку Байджу (командующего монгольской армией в Закавказье), указывает на присутствие в доминиканской делегации Гвихарда из Кремоны, бывшего несколько лет членом конвента Тбилиси. Симон де Сент-Квентин ясно указывает, что Гвихард переводил слова Асцелина на персидский язык при аудиенции папского легата с представителями Байджу [Vincentius 1473, XXXII. 42, 48; Richard 1976, 160].

Дополнительные сведения о лингвистических навыках доминиканцев на Ближнем Востоке предоставляет Гийом де Рубрук; который, при возвращении из своего путешествия, встретил на Кавказе в 1255 г. партию доминиканцев, намеревавшихся организовать проповедование Евангелия на территории Золотой Орды. По свидетельству Гийома, большинство из этих доминиканцев прибыли из Европы; что подтверждается и отдельной буллой папы Иннокентия IV *Cum dilectos filios*, от 25 февраля 1254 г., рекомендовавшей братьев грузинским прелатам и призывавшей их содействовать развертыванию миссионерской деятельности среди монголов. Брат Гийом указывал, что прибывшие из Европы доминиканцы не владели восточными языками; и, поэтому, они прибыли в сопровождении собрата из Палестины, способного коммуницировать на арабском языке. Еще более важную информацию предоставляет утверждение Гийома о том, что для получения санкции на передвижение мендикантов, один из доминиканцев посетил в Тебризе Аргуна Ака, представителя кагана в закавказском регионе; что предполагает наличие контактов доминиканцев с монгольской официальной властью, которые были бы значительно затруднены без владения персидским языком [Guillelmus de Rubruc 1929, 324; Acta Innocentii 1962, 170–171; Soranzo 1930, 163–164; Lippini 1988, 215–217; Richard 1998, 55, 78; Jackson 2005, 257].

В 50-ых гг. XIII столетия монгольские эмиссары в Закавказье не проявляли особого интереса к европейцам, и их контакты с доминиканцами имели исключительно административный характер. Однако политическая ситуация в регионе резко изменилась в связи с основанием улуса Хулагуидов в 1260 году. Формирование автономного улуса Персии в границах распавшейся кочевни-

ческой империи совпало с первым основательным поражением монголов в битве при Айн-Джалуте, в Палестине, в сентябре 1260 года [Abd al-Zahir 1992, 49; Guillelmus Tripolitanus 1883, 582–587; Amitai-Preiss 1987, 236–242; Amitai-Preiss 1995, 34–41]. Победа египетских Мамлюков фактически ознаменовала окончательную остановку западной экспансии монголов. С другой стороны, ряд свидетельств показывает, что монголы Персии продолжали планировать завоевание Сирии (в первую очередь, три полномасштабные инвазии 1281, 1299 и 1303 гг.); что было вызвано не только стремлением Ильханов восстановить былую славу непобедимости монгольских войск, но и радикальной антимонольской идеологией Мамлюков, бросавшей вызов устойчивому восприятию мирового владычества Чингизидов [Browne 1964, 17; Grinner 1972, 119–121; Amitai-Preiss 1999, 57–72; Halperin 2000, 229–245].

Военные реформы мамлюкского султана Бейбарса I очевидно способствовали усовершенствованию оборонительных ресурсов мусульманского государства; главной причиной прерывания монгольских завоеваний на Ближнем Востоке, однако, было начало военного конфликта Хулагуидов с ханами Золотой Орды [Мхитар 1869, 416; Ибн Васил 1884, 73–75; ал-'Умари 1884, 239; Вассаф-ихазрет 1941, 80–82; аль-Джуджани 1941, 19; Рашид ад-Дин 1952, II, 81–82; Kirakos 1986, 331–333; Grigor 1986, 339–341; Boyle 1968, 353; Amitai-Preiss 1995, 79–80; Allsen 2001, 21; Favereau 2007, 66]. В редчайшие периоды перемирий с джучидскими ханами (и ханами Чагатайского улуса, начиная с поражения Барака в Хорасане в 1270 г.), Ильханы неизменно возвращались к планированию инвазии в Сирию. С другой стороны, большую часть времени правители Персии должны были считаться с постоянной угрозой нападений на северные границы своих владений [ан-Нувайри 1884, 153; al-Mufazzal 1919–1920, 521–525; Рашид ад-Дин 1946, 68, 72–81, 91–92; Kirakos 1986, 335; Vardan 1989, 223; Grousset 1965, 405; Boyle 1968, 355, 357–359; Morgan 1986, 95–96; Amitai-Preiss 1995, 87–88; Biran 2002, 189–194].

Внешнелитературная ситуация улуса Хулагуидов усугубилась и формированием военного альянса между ханами Золотой Орды и Мамлюками Египта [Ибн Васил 1884, 73; Рукн ад-Дин Байбарс 1884, 98–99; al-Mufazzal 1919–1920, 442–444; al-Maqrizi 1992, 92–97; Amitai-Preiss 1995, 81–84]. Хотя мамлюкско-джучидский

военный союз не имел своего фактического воплощения, угрожающее письмо, отправленное султаном Бейбарсом Ильхану Абаке в 1272 г., показывало, что монгольские правители Персии должны были всерьез считаться и с угрозой синхронного нападения на их владения Мамлюков и монголов Золотой Орды [Amitai-Preiss 1995, 85]. По всей видимости, именно дипломатический демарш Мамлюков, по чьей инициативе альянс вступил в силу уже в 1262 г., вынудил Ильхана Хулагу прибегнуть к поиску естественных союзников в его конфликте с мусульманским султанатом Египта [Richard 1969, 53; Richard 1977b, 33; Morgan 1986, 183; Richard 1998, 101; Amitai-Preiss 1995, 94; Leopold 2000, III; Amitai 2001, 78–79; Khanbaghi 2006, 74–75].

Идея Ильхана Хулагу достичь взаимопонимания с Западной Европой, по всей видимости, была продиктована более ранней посреднической деятельностью армянских правителей, рассмотренной в связи с дипломатической миссией Гийома де Рубрука. Начиная с отправления на запад первого посольства монголов в 1262 г., Хулагуиды многократно контактировали с западноевропейскими правителями в течение последующих 50 лет с целью организации совместной франко-монгольской военной кампании против султаната Египта. Рассмотрение обстоятельств каждого отдельного посольства не входит в задачи настоящей статьи. Следует отметить, однако, что развитие переговоров между языческими, с точки зрения христианства, правителями монголов и католиками Западной Европы стало возможно только благодаря посреднической роли западных переводчиков и послов Хулагуидов.

В течение первой фазы (вплоть до 5-летнего прекращения обмена посольствами, начиная с 1280 г.) переговоры между монголами и Западной Европой проходили под непосредственным влиянием трех, упомянутых в посланиях, доминиканцев: персонального переводчика Ильханов Рикардуса, брата Иоанна из Венгрии и брата Давида д'Ашби. Источники (в первую очередь, меморандум Рикардуса, представленный папе Григорию X в 1274 г. в рамках II Лионского собора) предоставляют относительно подробную информацию только о наиболее выделявшемся, по своему юридическому статусу, участнике переговоров: по инициативе Томмазо Аньи ди Лентино, папского легата в Палестине,

брат Давид д'Ашби был послан в ставку Хулагу в Азербайджане уже в 1260 году. Целью миссии Давида было стремление выяснить будущие планы Хулагу по отношению к Латинскому королевству Палестины и, по возможности, заручиться дружественными отношениями с Хулагуидами на случай повторной инвазии монгол в Сирии. По свидетельству Рикардуса, Хулагу немедленно включил Давида в число своих приближенных; по-видимому, надеясь добиться, при его посредничестве, военной поддержки палестинских франков в планируемом возобновлении экспансии в Сирии. Давид оставался в ставке Ильханов и в первые годы правления Абаки; но позже вернулся в Палестину, так как в рамках II Лионского собора он не был членом монгольской делегации и выступал представителем иерусалимского патриарха и короля Кипра Гуго III [Roberg 1973, 298–301; Brunel 1958, 39, 43–45; Richard 1969, 52–53; Boyle 1973, 556; Richard 1977b, 38; Richard 1979, 299–300; Phillips 1988, 129; Amitai-Preiss 1995, 94–95; Richard 1997, 62; Richard 1998, 83, 101; Jackson 2005, 168]. Таким образом, будучи официальным представителем папского легата в ставке Хулагуидов, Давид д'Ашби был главным вдохновителем начала франко-монгольских дипломатических переговоров. Большой интерес, однако, представляет деятельность непосредственных участников монгольских делегаций на Западе.

В письме, адресованном в 1262 г. Людовику IX, Хулагу идентифицирует доминиканца Иоанна из Венгрии как главу первого дипломатического посольства Ильханов Персии в Западной Европе. Хулагу обращается к французскому королю как к низшему по рангу правителю и уделяет значительное место в своем послании описанию монгольских завоеваний, подчеркивающих могущество власти Ильхана Персии. С другой стороны, письмо не содержит явно выраженного требования подчинения французского короля; что объясняется очевидным желанием Хулагу добиться военной помощи Людовика IX в планированном наступлении против султаната Мамлюков. Более того, Хулагу подчеркивает свои личные симпатии к христианам, выраженные, в частности, в приказании освободить всех пленных крестоносцев из мусульманских тюрем Сирии и Палестины [Barber 2010, 156–159; Meuvaert 1980, 250–259; Morgan 1986, 183; Richard 1989, 519; Amitai-Preiss 1995, 94–96; Richard 1998, 83, 100–101; Jackson 2005, 123–124].

Следует отметить, что письмо не содержит и намека на личное стремление Хулагу принять крещение. Ответ Урбана IV *Exultavit cor nostrum*, написанный, по-видимому, в 1264 г., содержит интересные подробности устной интерпретации содержания письма Ильхана (утраченного братом Иоанном при его временном аресте по приказу короля Сицилии, Манфреда), представленной Иоанном в ходе личной аудиенции с папой. По словам Урбана IV, брат Иоанн не только подчеркивал персональные симпатии Ильхана по отношению к христианству, но и свидетельствовал свое личное присутствие при крещении Хулагу. Папа поставил под сомнение сведения Иоанна и послал копию своего письма патриарху Иерусалима, Томмазо Аньи ди Лентино, с просьбой проверить информацию монгольского посла [Annales 1646, XIV. a. 1260. §§ 29–32; Borghesio 1936, 362; Richard 1949, 291, 296–297; Richard 1977b, 35; Richard 1979, 297–298; Phillips 1988, 127; Amitai-Preiss 1995, 95–96; Richard 1996, 435–436; Richard 1997, 63; Jackson 2005, 166, 174].

По всей видимости, доминиканский посол Хулагу предполагал, что утверждение о крещении Ильхана должно было способствовать скорейшему заключению военного союза. Возможно, однако, что представление будущих перспектив католической миссионерской деятельности в Персии имело еще большее значение для подчеркивания важности продолжения дипломатических сношений с монголами и, соответственно, центральной роли доминиканцев в развитии восточной политики Святого Престола. Надежда на потенциальное крещение монголов, ставшая актуальной уже в связи с дипломатической миссией Гийома де Рубрука, получила более существенные обоснования, благодаря посреднической роли доминиканцев, входивших в число приближенных Хулагуидов. Например, в ходе приема монгольской делегации папой Григорием X, в рамках II Лионского собора в 1274 г., три посла монгольского происхождения торжественно приняли ритуал католического крещения; событие, представленное в меморандуме персонального переводчика Хулагуидов, Рикардуса, как следствие доминиканской миссионерской деятельности в Персии [Roberg 1973, 298–301; Marino Sanudo 2011, 286; Golubovich 1906–1927, 419–420; Borghesio 1936, 363–367; Brunel 1958, 44; Gatto 1959, 93–94; Richard 1977b, 36–37; Amitai-Preiss 1995, 100; Aigle

2005, 154; Khanbaghi 2006, 75; May 2011, 179]. Доминиканцы прилагали немалые усилия для демонстрации важности своей дипломатической деятельности, которая представлялась как необходимая составляющая проповедования Евангелия в среде монголов, симпатизировавших христианству в связи с совпадением внешнеполитических интересов.

Посредническая роль доминиканца Рикардуса имела центральное значение для установления дипломатических отношений между монголами и Западной Европой, так как исключительно благодаря его переводам, монгольские послания были понятны европейским правителям. Следует отметить, что в своих переводах Рикардус прибегал к довольно свободной интерпретации посланий; без которой, возможно, дипломатические отношения не были бы возможны. Так, для смягчения чрезвычайно категоричного выражения могущества монгольских правителей, Рикардус передавал геополитические амбиции Хулагу при помощи прямых цитат из Ветхого Завета; и сравнивал военный потенциал монголов с армиями библейских царей, боровшихся с религиозными противниками Избранного Народа [Aigle 2005, 153]. Посредническая деятельность Рикардуса была прямым следствием его исключительных лингвистических способностей: анализ лексической структуры его переводов предполагает, что Рикардус переводил напрямую с монгольского на латинский язык [Richard 1998, 104–105; Aigle 2005, 152–153].

Появление доминиканцев в свите Хулагуидов, таким образом, означало начало нового периода европейско-монгольских отношений, в которых западные дипломаты более не зависели от нередко негативного посредничества иностранных переводчиков, когда характер переговоров зависел, в немалой степени, от их персональных интересов.

ЛИТЕРАТУРА

Вассаф-и-хазрет. История // СМОИЗО. Т. 2. Москва – Ленинград, 1941.

Головко О. Держава Романовичів та Золота Орда // **Український історичний журнал**. № 6. 2004.

аль-Джузджани. Насировы разряды // **СМОИЗО**. Т. 2. Москва – Ленинград, 1941.

Ибн Васил. Гонитель забот по части истории Аюбидских царей // **СМОИЗО**. Т. 1. Санкт-Петербург, 1884.

Ипатьевская летопись // **ПСРЛ**. Т. 2. Москва, 1998.

Лаврентьевская летопись // **ПСРЛ**. Т. 1. Москва, 1997.

Мхитар Айриванкский. **Хронографическая история** / К. П. Патканов (пер.). Санкт-Петербург, 1869.

Нагірний В. Відносини галицько-волинських князів із монголами // **Карпати**. № 2. 2010.

Назарко І. Вплив старо-руського християнства на монголів // **AOSBM**. Vol. 2/8. Fasc. 1–2. 1954.

Новгородская первая летопись // **ПСРЛ**. Т. 3. Москва – Ленинград, 1950.

ан-Нувайри. Крайность потребности по части отраслей образованности // **СМОИЗО**. Т. 1. Санкт-Петербург, 1884.

Рашид ад-Дин. **Сборник летописей** / А. К. Аренде (пер.). Москва – Ленинград, 1946. Т. 3.

Рашид ад-Дин. **Сборник летописей** / Л. А. Хетагуров (пер.). Москва – Ленинград, 1952. Т. 1–2.

Руки ад-Дин Байбарс. Сливки размышления по части летописания гиджры // **СМОИЗО**. Т. 1. Санкт-Петербург, 1884.

Селарт А. Архиепископ Петр и Лионский собор // **Rossica Antiqua**. № 1. 2011.

ал-'Умари. Пути взоров по государствам разных стран // **СМОИЗО**. Т. 1. Санкт-Петербург, 1884.

Юрченко А. Г.; Аксенов С. В. **Христианский мир и “Великая Монгольская империя”**. Материалы францисканской миссии 1245 года. Москва, 2002.

Юрченко А. Г. Тайные монгольские погребения // **Степи Европы в эпоху Средневековья**. Т. 6. Донецк, 2008.

Abd al-Zahir. **Le jardin resplendissant: histoire du Souverain magnifique** / J. Sublet (tr.). Paris, 1992.

Abel-Rémusat J.-P. Mémoires sur les relations politiques des princes chrétiens // **Histoire et mémoires de l'Institut royal de France**. Vol. 6. 1822. Vol. 7. 1824.

Acta Honorii III et Gregorii IX / A. Tautu (ed.). Romae, 1950.

- Acta Innocentii IV** / T. T. Haluscynskij; M. M. Wojnar (eds.). Romae, 1962.
- Aigle D.* The Letters of Eljigidei, Hulegu, and Abaqa: Mongol Overtures or Christian Ventriloquism? // **Inner Asia**. Vol. 7/2. 2005.
- Alainy.* Le Collier de Perles // **RHC Or.** Vol. II. Paris, 1887.
- Allsen T.T.* Guard and Government in the Reign of the Grand Qan Möngke // **HJAS**. Vol. 46/2. 1986.
- Allsen T. T.* **Culture and Conquest in Mongol Eurasia**. Cambridge, 2001.
- Amitai-Preiss R.* Mongol Raids into Palestine // **JRAS**. Vol. 2. 1987.
- Amitai-Preiss R.* **Mongols and Mamluks. The Mamluk-Ilkhanid War**. Cambridge, 1995.
- Amitai-Preiss R.* Mongol Imperial Ideology and the Ilkhanid War against the Mamluks // **The Mongol Empire and Its Legacy**. Leiden, 1999.
- Amitai R.* Edward of England and Abagha Ilkhan. A Reexamination of a Failed Attempt at Mongol-Frankish Cooperation // **Tolerance and Intolerance** / M. Gervers (ed.). Syracuse, 2001.
- Angold M.* Greeks and Latins after 1204 // **Latins and Greeks in the Eastern Mediterranean** / B. Arbel (ed.). London, 1989.
- Annales Ecclesiastici ab anno MCXCVIII ubi Card. Baronius desinit** / O. Rinaldi (ed.). Roma, 1646. Vol. XIII–XIV.
- Annali genovesi di Caffaro e de' suoi continuatori dal 1251 al 1279** / C. Imperiale di Sant'Angelo (ed.). Roma, 1926.
- Bacon Roger.* **Opus majus** / J. H. Bridges (ed.). London, 1900. Vol. III.
- Baldwin M. W.* Missions to the East in the Thirteenth and Fourteenth Centuries // **A History of the Crusades**. Vol. V. Madison, 1985.
- Barber M.; Bate K.* **Letters from the East. Crusaders, Pilgrims and Settlers**. Farnham, 2010.
- Bedrosian R.* **The Turco-Mongol Invasions and the Lords of Armenia**. New York, 1979.
- Bettini M.* L'impero 'parla indietro'. Per un'antropologia della traduzione nella cultura antica // **Antropologica**. 2011.
- Bettini M.* **Metamorfosi, affari e profezie. Un'antropologia della traduzione nel mondo classico**. Milano, 2012.

Bigalli D. Giudizio escatologico e tecnica di missione nei pensatori francescani // **Espansione del Francescanesimo** / R. Manselli (ed.). Assisi, 1979.

Biran M. The Battle of Herat (1270): A Case of Inter-Mongol Warfare // **Warfare in Inner Asian History** / N. Di Cosmo (ed.). Leiden, 2002.

Boase T. S. R. The History of the Kingdom // **The Cilician Kingdom of Armenia**. Edinburgh, 1978.

Borghesio G. Un episodio delle relazioni tra la Santa Sede e i Mongoli // **Roma. Rivista di studi e di vita romana**. Vol. 14/11. 1936.

Boyle J. A. The Journey of Het'um I // **CAJ**. Vol. 9. 1964.

Boyle J. A. The Dynastic and Political History of the Il-Khans // **The Cambridge History of Iran**. Vol. V. Cambridge, 1968.

Bratianu G. I. **Recherches sur le commerce génois dans la Mer Noir**. Paris, 1929.

Brinner W. M. Some Ayyuubid and Mamluk Documents from Non-Archival Sources // **IOS**. Vol. 2. 1972.

Brunel C. David d' Ashby auteur méconnu des *Faits des Tartares* // **Romania**. Vol. 79. 1958.

Broadbridge A. F. **Kingship and Ideology in the Islamic and Mongol Worlds**. Cambridge, 2008.

Browne E. G. **A Literary History of Persia**. Cambridge, 1964. Vol. III.

Cameron N. **Barbarians and Mandarins. Thirteenth Centuries of Western Travellers in China**. Hong Kong, 1989.

C. de Bridia. **Tartar Relation** / G. D. Painter (tr.). New Haven, 1965.

Chabot J.-B. Notes sur relations du roi Argoun avec l'Occident // **ROL**. Vol. 2. 1894.

Chronica minor auctore minorita Erphordiensi // **MGH SS**. Vol. XXIV. Hannover, 1879.

Claverie P.-V. Deux lettres inédites de la première mission en Orient d'André de Longjumeau // **BEC**. Vol. 158/1. 2000.

Cronica Reinhardsbrunnensis // **MGH SS**. Vol. XXX. Hannover, 1896.

Cronica S. Petri Erfordensis Moderna // **MGH SS**. Vol. XXIV. Hannover, 1879.

Daniel E. R. Franciscan Missions // **The Cambridge Companion to Francis of Assisi** / M. J. P. Robson (ed.). Cambridge, 2012.

Dardel Jean. Chronique d'Arménie // **RHC Ar.** Vol. II. Paris, 1906.

Dashdondog B. **The Mongols and the Armenians.** Leiden, 2011.

Der Nersessian. The Armenian Chronicle of the Constable Smpad or the 'Royal Historian' // **DOP.** Vol. 13. 1959.

Dondaine A. Ricoldiana. Notes sur les œuvres de Ricoldo da Montecroce // **AFP.** Vol. 37. 1967.

Epistolae saeculi XIII regestis pontificum romanorum selectae / C. Rodenberg (ed.). München, 1982. Vol. II.

Favereau M. Comment le sultan mamelouk s'adressait au khan de la Horde d'Or // **AI.** Vol. 41. 2007.

Gatto L. **Il pontificato di Gregorio X.** Roma, 1959.

Giovanni di Pian di Carpine. **Storia dei Mongoli** / M. C. Lungarotti (tr.). Spoleto, 1989.

Golubovich G. **Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano.** Firenze, 1906–1927. Vol. II.

Grigor of Akner. **History of the Nation of Archers** / R. Bedrosian (tr.). New Jersey, 1986.

Grousset R. **L'Empire des Steppes.** Paris, 1965.

Guéret-Laferté M. **Sur les routes de l'Empire Mongol: ordre et rhétorique des relations de voyage.** Paris, 1994.

Guillelmus de Rubruc. **Itinerarium** / A. van den Wyngaert (ed.). Firenze, 1929.

Guillelmus Tripolitanus. Tractatus de Statu Saracenorum et de Mahomete pseudopropheta et eorum lege et fide // **Kulturgeschichte der Kreuzzuge** / H. Prutz (ed.). Berlin, 1883.

Guzman G. G. Simon of Saint-Quentin and the Dominican Mission to the Mongol Baiju: A Reappraisal // **Speculum.** Vol. 46/2. 1971.

Guzman G. G. Christian Europe and Mongol Asia: First Medieval Intercultural Contact Between East and West // **Essays in Medieval Studies.** Vol. 2. 1985.

Halperin C. J. The Kipchak Connection: The Ilkhans, the Mamluks and Ayn Jalut // **BSOAS.** Vol. 63/2. 2000.

Haytonus. Flos Historiarum Terre Orientis // **RHC Ar.** Vol. II. Paris, 1906.

Ibn al-Furat. Tarikh al-duwal wa'l-Muluk / U. and M.C. Lyons (tr.). Cambridge, 1971.

Jackson P. The Mongols and the West. Harlow, 2005.

Jackson P. World-conquest and Local Accommodation: Threat and Blandishment in Mongol Diplomacy // History and Historiography of Post-Mongol Central Asia / J. E. Woods (ed.). Wiesbaden, 2006.

Jackson P. Franciscans as Papal and Royal Envoys to the Tartars // The Cambridge Companion to Francis of Assisi / M. J. P. Robson (ed.). Cambridge, 2012.

Jönsson C.; Hall M. Essence of Diplomacy. Basingstoke, 2005.

Juvaini. Gengis Khan il conquistatore del mondo / G.R. Scarcia (tr.). Milano, 1991.

Kedar B. Z. Crusade and Mission: European Approaches toward the Muslims. Princeton, 1984.

Khanbaghi A. The Fire, the Star, and the Cross: Minority Religions in Medieval and Early Modern Iran. London, 2006.

Kirakos Ganjaketsi. History of the Armenians / R. Bedrosian (tr.). Long Branch, 1986.

Lane G. Arghun Aqa: Mongol Bureaucrat // Iranian Studies. Vol. 32/4. 1999.

Lane G. Daily Life in the Mongol Empire. Indianapolis, 2009.

Latourette K. S. A History of the Expansion of Christianity. London, 1947. Vol. II.

Leopold A. How to Recover the Holy Land: The Crusade Proposals. Aldershot, 2000.

Lippini P. P. Storie e leggende medievali. Bologna, 1988.

Little L. K. Saint Louis' Involvement with the Friars // Church History. Vol. 33/2. 1964.

Loenertz R. J. La Société des Frères Pérégrinants. Étude sur l'Orient Dominicain. Roma, 1937. Vol. I.

al-Maqrizi. Kitab al-soulouk li-ma 'rifat duwal al-moulouk / J. Sublet (tr.). Paris, 1992.

Marino Sanudo. Book of the Secrets of the Faithful of the Cross / P. Lock (tr.). Burlington, 2011.

Matthaeus Parisiensis. Chronica majora / H. R. Luard (ed.). London, 1872–1873. Vol. IV.

May T. **Chormaqan Noyan: The First Mongol Military Governor in the Middle East.** Indiana University, 1996.

May T. **The Mongol Conquests in World History.** London, 2011.

Meyvaert P. An Unknown Letter of Hulagu, Il-khan of Persia, to King Louis IX of France // **Viator.** Vol. 11. 1980.

Monfrin J. Joinville et l'Orient // **L'écrit dans la société médiévale** / C. Bourlet (ed.). Paris, 1991.

Moorman J. **A History of the Franciscan Order.** Oxford, 1968.

Morgan D. O. **The Mongols.** Oxford, 1986.

Mostaert A.; Cleaves F. W. Trois documents mongols des Archives secrètes vaticanes // **HJAS.** Vol. 15/3–4. 1952.

al-Mufazzal. **Histoire des Sultans Mamlouks** / E. Blochet (tr.). Paris, 1919–1920. Vol. I.

Mutaftian C. **Cilicie au carrefour des empires.** Paris, 1988. Vol. I.

Painter G. D. Preface // **The Vinland Map and the Tartar Relation** / R. A. Skelton (ed.). New Haven, 1965.

Paschalis de Victoria. **Epistola** / A. van den Wyngaert (ed.). Firenze, 1929.

Pegolotti. **La Pratica della Mercatura** / A. Evans (ed.). Cambridge, 1936.

Pelliot P. Les Mongols et la Papauté // **Revue de l'Orient chrétien.** Vol. 23. 1922–1923.

Phillips J. S. **The Medieval Expansion of Europe.** Oxford, 1988.

Pubblici L. **Dal Caucaso al Mar d'Azov. L'impatto dell'invasione mongola in Caucasia fra nomadismo e società sedentaria.** Firenze, 2007.

Rachewiltz I.de. **Papal Envoys to the Great Khan.** London, 1971.

Reichert F. E. **Incontri con la Cina. La scoperta dell'Asia orientale nel Medioevo.** Milano, 1997.

Richard J. Le début des relations entre la Papauté et les Mongols de Perse // **JA.** Vol. 237. 1949.

Richard J. The Mongols and the Franks // **JAH.** Vol. 3. 1969.

Richard J. L'enseignement des langues orientales en Occident au Moyen Age // **REI.** Vol. 44. 1976.

Richard J. Sur le pas de Plancarpin et de Rubrouck: La lettre de Saint Louis a Sartaq // **Journal des Savants**. 1977a.

Richard J. Chrétiens et Mongols au Concile: La Papauté et les Mongols de Perse // **1274, année charnière** / M. M. Mollat (ed.). Paris, 1977b.

Richard J. Une Ambassade mongole à Paris en 1262 // **Journal des Savants**. 1979.

Richard J. Le lettre du connétable Smbat et les rapports entre Chrétiens et Mongols // **Armenian Studies** / D. Kouymijian (ed.). Lisboa, 1986.

Richard J. La croisade de 1270, premier 'passage général'? // **CRAI**. Vol. 133/2. 1989.

Richard J. **Histoire des croisades**. Paris, 1996.

Richard J. D'Alghidai à Gazan: La continuité d'une politique franque chez les Mongols d'Iran // **L'Iran face à domination mongole**. Paris, 1997.

Richard J. **La Papauté et les missions d'Orient au Moyen Age**. Rome, 1998.

Roberg B. Die Tartarem auf dem 2. Konzil von Lyon 1274 // **AHC**. Vol. 5. 1973.

Roux J.-P. **Gli esploratori nel Medioevo**. Milano, 1990.

Ruotsala A. **Europeans and Mongols in the Middle of the Thirteenth Century: Encountering the Other**. Helsinki, 2001.

Schmieder F. Tartarus valde sapiens et eruditus in philosophia. La langue des missionnaires en Asie // **Actes de la Société des historiens médiévistes**. Vol. 30/1. 1999.

Soranzo G. **Il Papato, l'Europa cristiana e i Tartari**. Milano, 1930.

Thorau P. **The Lion of Egypt. Sultan Baybars I and the Near East**. London, 1992.

Vardan Arewelci. The Historical Compilation // **Dumbarton Oaks Papers** / R. W. Thomson (tr.). Vol. 43. 1989.

Vasary I. **Turks, Tatars and Russians**. Aldershot, 2007.

Vincentius Bellovacensis. **Speculum historiale** / J. Mentelin (ed.). Strasbourg, 1473.

Voegelin E. The Mongol Orders of Submission to European Powers // **The Collected Works of Eric Voegelin** / E. Sandoz (ed.). Vol. 10. Columbia, 2000.

СКОРОЧЕННЯ

СМОИЗО – Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

AFP – Archivum Fratrum Praedicatorum

АНС – Annuarium Historiae Conciliorum

AI – Annales Islamologiques

AOSBM – Analecta Ordinis Sancti Basilii Magni

БЕС – Bibliothèque de l'École des Chartes

BSOAS – Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London

CAJ – Central Asiatic Journal

CRAI – Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres

DOP – Dumbarton Oaks Papers

HJAS – Harvard Journal of Asiatic Studies

IOS – Israel Oriental Studies

JA – Journal Asiatique

JAH – Journal of Asian History

JRAS – Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland

REI – Revue des études islamiques

RHC Ar. – Recueil des Historiens des Croisades, Documents arméniens

RHC Or. – Recueil des Historiens des Croisades, Documents orientaux

ROL – Revue de l'Orient latin